

Х.Р.Джаббаринасир
ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА
В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАСИЛИЯ
И ТЕРРОРИЗМА

Хасан Реза Джаббаринасир — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры индоиранских и африканских языков МГИМО (У) МИД России (Москва); научный сотрудник Института социальных и культурных исследований Исламской Республики Иран (Тегеран). Для связи с автором: hjabbarinasir@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена исследованию факторов трансформации политического ислама и причин его «ужесточения» в современном контексте. Опираясь на идеи социального конструктивизма, автор фиксирует основные вехи в эволюции политического ислама и становлении его радикальных течений, ориентированных на насилие и терроризм. В работе рассмотрены девять мегасобытий, которые в конечном итоге определили специфику современного союза ислама и политики, — крушение Османской империи, палестино-израильский конфликт, исламская революция в Иране, советская интервенция в Афганистане, распад Советского Союза, теракты 11 сентября 2001 г., свержение режима Саддама Хусейна, «арабская весна» и становление политического ислама с «турецким лицом». Показано, как после развала Османской империи ислам из социального феномена стал постепенно превращаться в мирополитический фактор; первоначально эта тенденция наблюдалась в интеллектуально-идеологической сфере, но затем вышла на уровень практической политики.

В статье выделяются четыре модели современного политического ислама — шиитская, салафитско-джихадистская, такфиристско-джихадистская и умеренная. По заключению автора, отношение к насилию в рамках этих моделей во многом определяется особенностями становления, географическими амбициями и целями соответствующих течений. Признавая оправданность насилия при решении оборонительных задач, утвердившаяся в Иране шиитская версия политического ислама апеллирует главным образом к категориям справедливости и защиты угнетенных. Салафитско- и такфиристско-джихадистские группировки, по сути, видят в насилии ключевой инструмент воплощения заповедей Аллаха и переустройства мира на принципах шариата. В умеренном политическом исламе (рассмотренном на примере

Турции) насилие полностью отвергается, а религия остается во многом социальным явлением, хотя и используется в политических целях, в частности для привлечения электората. На основании проведенного анализа автор приходит к выводу об ошибочности представления о насилии как об атрибутивном элементе политического ислама, одновременно указывая на риски повышения значимости данного фактора.

Ключевые слова: политический ислам, экстремизм, терроризм, насилие, мировая политика

Введение

После распада двухполюсной системы начался поиск новых моделей мироустройства, который продолжается по сей день. В этих условиях на мировой арене активизировался политический ислам, который во многих идеологических и культурных аспектах предлагает новый порядок взаимодействия на разных уровнях международных отношений, а также в сфере урегулирования конфликтов. Другими словами, политический ислам отличается от традиционных форм политической инструментализации религии, от ее традиционного господства, никогда не имевшего теоретико-практических средств для глобального доминирования.

В данном контексте турбулентная ситуация на Ближнем Востоке — одном из наиболее слабых звеньев современной миросистемы — создает благоприятную почву для экспансии различных версий политического ислама, в том числе строящихся на идеологии терроризма. Это повышает вероятность усиления в регионе религиозного экстремизма, появления новых форм практического его воплощения.

Преимущественно религиозноцентричный характер терроризма в современном мире делает эволюцию политического ислама актуальной исследовательской темой с высоким прикладным значением. Важно отметить, что политический ислам как движение, выражающие интересы различных социальных групп в мусульманском мире, не всегда опирался на насилие. Более того, во многих своих проявлениях он и сегодня отвергает силу. Однако «мутации», произошедшие с политическим исламом за последнее столетие, сделали насилие/терроризм одним из значимых его инструментов.

Исходя из научно-практической важности осмысления сдвигов в рамках политического ислама, в данной статье я сосредоточусь на выявлении движущих сил трансформации данного феномена, а также факторов, обусловивших его движение в сторону «ужесточения», то есть ориентации на насилие и террор как средства достижения целей.

Теоретико-методологические рамки исследования

Настоящая работа во многом опирается на постулат о предкризисном состоянии Вестфальской системы международных отношений, открывающем возможности для экспансии деструктивных идеологий и практик агрессивных негосударственных акторов (violent non-state

actors). Политический ислам в насильственной его ипостаси влияет не только на организацию отдельных государств, но и на мировую политическую систему в целом¹. В этом плане терроризм как крайняя форма политического ислама нацелен на насильственное переустройство мира на иных (более справедливых, по мнению террористов) началах².

¹ Лебедева 2014.

² См. Tibi 2002.

Мирополитическая роль религии традиционно находится вне фокуса внимания классических теорий международных отношений. Однако с учетом трансформации политического ислама и его воздействия на глобальную безопасность изучение этой роли становится важной исследовательской задачей³. Наиболее удобной теоретической платформой для ее решения мне видится конструктивизм, рассматривающий религию как один из основных компонентов культуры и цивилизации, важный элемент формирования групповой идентичности. Приверженцы конструктивизма убеждены, что социальные конфликты зависят от когнитивных факторов, таких как идеология, национализм, этническая принадлежность и религия. Как отмечает Александр Вендт, укрепляя взаимопонимание среди членов группы, названные конструкции порождают у них чувство отличия от других, и это чувство может повлиять на выбор ими стратегий действия⁴. В зависимости от обстоятельств подобные стратегии могут строиться на использовании не только мирных, но и насильственных способов продвижения целей.

³ Джаббари Насир 2017.

⁴ Wendt 1999: 37.

Конструктивизм исходит из того, что интересы и ценности акторов не являются чем-то присущим им имманентно, но конструируются социально и зависят от конкретных целей и контекста. Здесь и кроются истоки вариативности в интерпретации коранических положений, различий в стратегии и идеологии отдельных течений политического ислама. В связи с этим, чтобы понять причины «ужесточения» политического ислама *per se* и появления в его рамках радикальных и откровенно террористических движений, необходимо прежде всего обратиться к анализу соответствующего контекста.

Факторы «ужесточения» политического ислама

На протяжении долгого времени в силу относительной закрытости мусульманских обществ и ограниченности их взаимодействий с внешним миром ислам оставался скорее социальным, чем политическим явлением. Однако с XIX в. он постепенно начал выходить на политическую сцену, что было связано с целым комплексом факторов, часто имевших форму мегасобытий, затрагивавших не только мусульманский мир, но и глобальное общество в целом. С развитием информационных технологий политизация ислама еще больше ускорила. В некоторых странах мусульманского ареала это привело к превращению ислама в основу своеобразной политической культуры. В итоге сформировалась новая радикальная идентичность, в отдельных случаях прямо отвергавшая нормы традиционного ислама⁵. Какие же мегасобытия обусловили радикализацию политического ислама, усиление в нем тенденции к ставке на насилие? На мой взгляд, можно выделить девять таких мегасобытий.

⁵ Джаббари Насир 2017.

Распад Османской империи. С распадом Османской империи в 1922 г. встал вопрос о модели организации власти в возникших на ее руинах политических образованиях. Под влиянием европейцев руководство этих образований взяло курс на построение светского общества путем отделения религии от государства. Однако многие мусульманские мыслители восприняли саму идею такого отделения как проклятие и кощунство, трактуя следование европейской модели политической организации как уничтожение исламского наследия и капитуляцию перед Западом⁶. Именно в этот период стали появляться движения за возрождение ислама, зазвучали призывы к возвращению к «золотым временам» Пророка, к созданию исламского государства на основе законов шариата. Крупные деятели мусульманского мира, такие как Хасан аль-Банна, а позднее Сайид Кутб, Абу-ль-Аля Маудуди и др., начали рассматривать ислам как практический инструмент властных отношений.

⁶ *Osman 2017: 3.*

Логика данного подхода строилась на том, что религия как основа построения общественной жизни повысит шансы на создание «идеального государства», ведь власть в таком государстве неизбежно лишится всех атрибутивных элементов секуляризма вроде национализма, капитализма и социализма. В дальнейшем в подтверждение своей позиции сторонники политического ислама ссылались на неспособность преобразований Мустафы Кемала Ататюрка сделать Турцию достойной наследницей Османской империи, на провалы экономических реформ иранского шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, мечтавшего превратить Иран в «ближневосточную Японию», и крушение стратегий построения светского арабского социализма⁷. В общих чертах эти аргументы постепенно стали теоретико-концептуальным обоснованием политического ислама как модели власти.

⁷ *Эмануилов 2011: 16.*

Палестино-израильский конфликт. Если в первые постосманские годы в позиции мусульманской общественности в отношении Запада были определенные конструктивные элементы, то Вторая мировая война стала катализатором разочарования мусульман в западном пути. Создание Израиля на территориях Палестины и последующий палестино-израильский конфликт усилили противостояние с Западом, радикализировали политический ислам⁸. Важно, что начало этого конфликта пришлось на очень чувствительный этап эволюции политического ислама, когда формировались его основные постулаты.

⁸ *См. Ас-Сеид 2017.*

Палестино-израильский конфликт продемонстрировал военнотехническую слабость мусульман перед лицом новообразованного государства и его союзников, дав убедительный аргумент в пользу наращивания средств силового противостояния. Израиль стал тем врагом, борьба с которым привела не только к активизации идеологического крыла исламистов, но и к появлению организованных военных группировок, опиравшихся на идеи политического ислама⁹. В контексте данного конфликта и поиска путей его урегулирования лагерь политических исламистов раскололся на две части — тех, кто в принципе отказывается

⁹ *Milton-Edwards 2006.*

признавать еврейское государство и делает ставку на насилие, и тех, кто допускает возможность компромисса. Данное размежевание влияет на внутреннюю динамику развития политического ислама, во многом определяя то, как те или иные его приверженцы видят будущее политическое устройство на Ближнем Востоке.

Исламская революция в Иране. Революция 1979 г., приведшая к установлению в Иране исламской республики, явилась, пожалуй, самым мощным фактором трансформации политического ислама, чьи принципы впервые официально были положены в основу политической организации общества. Ввиду шиитской специфики Ирана его модель объединения ислама и политики не получила общего признания в мусульманском мире, хотя на ранних этапах и воодушевила немалую часть исламистов¹⁰. Примечательно, что если в первой половине XX в. династия Пехлеви вдохновлялась начатым Атаатюрком процессом модернизации и вестернизации в Турции, то теперь влияние пошло в противоположном направлении: несмотря на конфессиональные различия, иранские исламисты стали примером для турецких¹¹. Другими словами, богословские споры не помешали движениям, возникшим в рамках суннитского и шиитского направлений ислама, найти общий язык, во многом выразившийся в антизападничестве, акценте на сохранении традиционной культуры и антиизраильской позиции.

Утверждение исламского государства в Иране сыграло свою роль в «ужесточении» политического ислама, который выступал теперь с качественно иной институциональной позиции. Со времен Рухоллы Мусави Хомейни основополагающей концепцией внешней политики Ирана, закрепленной в Конституции страны, является экспорт исламской революции. Формально отвергая насильственные методы такого экспорта, иранские власти активно поддерживали и поддерживают в регионе различные военно-политические группировки, называя их борцами за независимость. Под влиянием иранской революции появились такие религиозно-политические организации, как Хезболла и др., ратующие за возвращение к исламским нормам общественной жизни. Частью общей стратегии многих из них стала опора на насильственные методы, хотя обосновываются эти методы борьбой с оккупантами, а религиозно-политические амбиции данных организаций носят локальный в географическом плане характер.

Советская интервенция в Афганистане. Советская интервенция в Афганистане послужила мощным толчком к радикализации политического ислама. В Афганистан устремилось множество радикально настроенных молодых людей со всех концов мусульманского мира, особенно из арабских государств. Борьба с советскими войсками преподносилась как «священная война», что способствовало росту популярности дискурса насилия. В условиях холодной войны милитарные группировки в Афганистане выступали в том числе инструментом геополитического

¹⁰ Zubaida 2000.

¹¹ Cornell and Kaya 2020.

противостояния, получая не только материально-техническую, но и пропагандистскую поддержку западных стран. При том что тогда это была классическая «война чужими руками» в биполярном мире, включаясь в глобальную американскую стратегию противодействия коммунизму, джихадистский ислам становился мирополитическим фактором. Поддержка со стороны США сыграла значительную роль в повышении организованности и боевого потенциала радикальных исламистов.

Вывод советских войск из Афганистана был воспринят исламистами как победа. Лидеры ваххабитского движения в Саудовской Аравии, а также правозащитнического крыла «Братьев-мусульман»* в Сирии и ряде стран Северной Африки призывали воспользоваться ею для развертывания священной войны за освобождение мусульман Советского Союза. Однако с прекращением советского военного присутствия вооруженная оппозиция в Афганистане лишилась объединявшей ее цели, что привело к политической, религиозной и национально-племенной дифференциации в рядах моджахедов. Для преодоления фрагментации понадобилась интегральная идеология «чистого ислама», привнесенная на афганскую землю извне¹². Это имело существенные последствия для ситуации в стране, обусловив живучесть установок самых разных радикальных исламистских групп. Получившие опыт в войне с советской армией бойцы-моджахеды составили костяк местного движения Талибан* и транснациональной террористической организации Аль-Каида*. Эти ультраэкстремистские группировки подняли радикализацию политического ислама на новый уровень, резко повысив в нем степень одобрения насилия как инструмента достижения политических целей.

¹² Добаев 2016.

Распад Советского Союза. В условиях политико-идеологического вакуума, образовавшегося с распадом СССР в обширном регионе в центре Евразии, там «как грибы после дождя» стали расти исламские движения. Освобождение от советского прошлого способствовало возникновению на территории бывшего Союза различных течений политического ислама. Наглядным примером активизации последнего может служить деятельность Исламской партии возрождения Таджикистана. В многолетней и кровопролитной гражданской войне в республике исламисты сыграли заметную роль. В целом в Центральной Азии в первые постсоветские годы произошло объединение вокруг ислама наиболее активных и амбициозных противников власти. Однако с середины 1990-х годов в регионе появились радикальные исламистские организации «второй волны», отличающиеся от объединений начала десятилетия прежде всего своим международным статусом, а также полным отсутствием демократических идей и целей не только в программах, но и в пропаганде. Эти организации четко ориентированы на создание исламского халифата. Наиболее крупными из них являются Хизб ут-Тахрир* и Исламское движение Узбекистана*, не раз прибегавшие к насилию для достижения политических целей.

События 11 сентября 2001 г. С началом нового столетия политический ислам салафитско-джихадистского толка стал транснациональным по характеру и масштабу деятельности. Лишившись после распада СССР прежнего идеологического противника, радикальные исламисты повернулись против своих бывших спонсоров — западных стран. Аль-Каида*, появившаяся на афганской земле не без помощи Запада, превратилась в одну из главных угроз глобальной безопасности. Ее деструктивная риторика находила немало сторонников в мусульманском мире. Идеологи этой организации формировали представление о постоянном гнете западных стран и их местных ставленников над мусульманами, освобождение которых связывалось с глобальным джихадом и всемирным халифатом¹³. В феврале 1998 г. Усама бен Ладен издал фетву о создании «Всемирного исламского фронта против сионистов и крестоносцев» (известного также как «Мировой фронт джихада»), которую подписали лидеры радикальных исламистских организаций из Египта, Пакистана, Бангладеш и Алжира.

¹³ Bonino 2016.

Одной из первых жертв глобальной «священной войны» трансформировавшегося политического ислама оказались США, подвергшиеся 11 сентября 2001 г. самому масштабному в современной истории террористическому акту. После этих событий в США и на Западе в целом исламский мир начал рассматриваться как источник террористической угрозы и непримиримый антагонист западной цивилизации, обрели популярность обвинения мусульманских государств в поддержке терроризма, появились соответствующие дискурсы и термины, которые были восприняты мусульманами как покушение на их ценности и религиозные традиции. Дополнительным фактором напряженности стало вторжение США и их союзников в Афганистан, приведшее к свержению созданного талибами исламского эмирата, но отнюдь не к полному поражению исламских радикалов, которые до сих пор с оружием в руках борются за установление в стране исламского государства. Все это обусловило всплеск исламистского экстремизма, который сегодня бросает вызов всей системе международных отношений.

Вторжение в Ирак и свержение режима Саддама Хусейна.

Вторжение США в Ирак в 2003 г. дало толчок новому витку транснационализации терроризма, расширив его идеологические основания. Как отмечает иранский исследователь Саид Таваколи, в контексте Ближнего Востока акты внешней агрессии не забываются просто так. Не забываются там и проявления несправедливости, пусть даже и вековой давности. В связи с этим не вызывает сомнений, что относительно недавний с исторической точки зрения опыт колониального гнета, появление Израиля на территории региона и усиление американского давления на мусульманские страны внесли немалый вклад в радикализацию политического ислама¹⁴.

¹⁴ Таваколи 2010.

Оккупация страны и свержение режима Саддама Хусейна создали благоприятную почву для продвижения идей политического насилия

¹⁵ Ланда 2005: 139.

под предлогом борьбы с внешними захватчиками. Активизировалась местная ячейка Аль-Каиды* во главе с Абу Мусаб аз-Заркави. Еще до падения Багдада в апреле 2003 г. в Ирак проникло около 6 тыс. бойцов, примерно половину которых составляли будущие шахиды-смертники¹⁵. Террористические акты с использованием последних превратились в один из ключевых методов Аль-Каиды*. В постсадамовском Ираке появилось множество экстремистских организаций, как шиитских, так и суннитских. Но наиболее крупные и воинственно настроенные формирования придерживались салафитской доктрины. В итоге Ирак стал полигоном для апробации как идеологических установок приверженцев радикального политического ислама, так и методов их практического воплощения.

«Арабская весна» и возникновение ИГ*. Социально-политические потрясения начала 2010-х годов, известные как «арабская весна», во многом разрушили старые властные структуры и вывели на авансцену политический ислам, растущее влияние которого чувствуется во всех без исключения странах региона — от Туниса и Египта до Ливии и Сирии. «Арабская весна» изменила политическую ситуацию в регионе, резко повысив значение исламского фактора. Свержение светских или относительно светских режимов в Тунисе, Египте и Ливии, трагические события в Сирии и других частях исламского мира открыли дорогу во власть не только умеренным исламистам вроде тунисской Ан-Нахды и египетских «Братьев-мусульман»*, но и их более радикально настроенным единомышленникам — вплоть до различных отрядов Аль-Каиды* и ИГ*. Ослабление светских институтов и вынужденная либерализация общественно-политической жизни позволили радикальным фундаменталистам заявить о себе как о политической силе, претендующей на власть.

¹⁶ Sanjeev 2018.

Экстремистские группировки джихадистского толка, причем не только в регионе, но и во всем мире, увидели в сложившейся ситуации исторический шанс для реализации своих религиозных и политико-идеологических целей. Используя значительно обновленную, более радикальную интерпретацию теоретических основ политического ислама, нашедшую немало сторонников как в странах мусульманского ареала, так и на Западе, они добились даже создания квазигосударства в форме ИГ*, провозгласившего себя прообразом всемирного халифата — давней мечты многих приверженцев политического ислама¹⁶. По сути, впрочем, ИГ* представляло собой даже не квази-, а антигосударство, нацеленное на избавление от государственности как таковой ради внегосударственного процветания мусульманской общины¹⁷. Важно отметить, что в идеологии ИГ* еще жестче, чем в других версиях политического ислама, очерчены границы идентичности: к числу «других», помимо немусульман, в ней отнесены суфии, шииты и даже адепты ряда версий умеренного суннизма. Такфиризм красной нитью проходит через идеологию ИГ*, причем даже в более жесткой форме, чем у Аль-Каиды*. Наличие многочисленных препятствий на пути превращения

¹⁷ Голунов 2020.

идеологической идентичности экстремистов в доминирующую политическую идентичность, а также оформления соответствующей ей конструкции власти побуждает их к применению насилия и террора в отношении иных идентичностей.

Деструктивная деятельность ИГ*, благодаря современным информационным технологиям продолжая приводить в ужас мировое сообщество, прочно связывается с политическим исламом. В этих условиях исламизм даже в умеренных его проявлениях оказывается заложником мощных стереотипов, избавиться от которых не так просто¹⁸. При всей неоднородности политического ислама, в том числе с точки зрения средств достижения целей, беспрецедентная степень насилия со стороны радикальных его течений дискредитирует данный феномен *per se*, что ставит под вопрос перспективы его умеренных версий и на тех «островках надежды», где опыт синтеза ислама и политики казался относительно гармоничным.

Политический ислам с «турецким лицом». Как уже упоминалось, революция в Иране вдохновила турецких исламистов, которые поверили, что могут создать исламское государство и в своей стране. Следует, однако, отметить, что процессы становления политического ислама не прекращались в Турции с момента распада Османской империи. Учитывая сегодняшнее положение Турции, а также амбиции ее лидера Реджепа Тайипа Эрдогана относительно места Анкары в мусульманском мире и на глобальной арене в целом, политический ислам с «турецким лицом» представляется важным для дальнейшей эволюции данного феномена.

В посткемалистской Турции, несмотря на строгое следование государства принципам лаицизма, было несколько военных переворотов, обусловленных вызовами секуляризму со стороны религиозных консерваторов в высшем руководстве страны. Поворотным моментом в возрождении политического ислама в Турции можно считать победу на парламентских выборах 1995 г. Партии благоденствия, основанной автором нашумевшего происламского манифеста «Национальное видение» (Millî Görüş, 1969) Неджметтином Эрбаканом, что позволило ему в 1996 г. занять пост премьер-министра. Хотя, как это часто бывало в турецкой истории, год спустя военные сместили его с должности, обвинив в попытках нарушить светскость режима, этот опыт оказал серьезное влияние на развитие политического ислама в стране. Исламисты осознали, что для обретения долгосрочной власти им необходимо избавиться от выраженной исламистской риторики, сделав упор на приверженность демократическим принципам. Именно эту стратегию и взял на вооружение нынешний лидер Турции Эрдоган, еще недавно публично называвший мечети казармами, а верующих — своими солдатами¹⁹. С 2003 г. основанная им Партия справедливости и развития (ПСР) практически неизменно контролирует большинство мест в турецком парламенте.

¹⁹ Сергеев и Саруханян 2012.

Первоначально ПСР позиционировала себя как партию, ориентированную на западные ценности, вместо проектов построения исламского государства предлагая углубление демократии и расширение гражданских свобод. Более того, она активно поддерживала курс на вступление Турции в Европейский союз, что, помимо всего прочего, требовало определенных ценностных компромиссов. Однако, постепенно взяв под контроль бастионы секулярности в стране, а именно армию, прокуратуру и судебную систему, ПСР начала отходить от демократических принципов, подталкивая в сторону исламских ценностей и турецкое общество²⁰. Еще на заре правления ПСР известный востоковед Бернард Льюис, долгое время считавший политический ислам в Турции образцом для мусульманского мира, обратил внимание на тенденцию к реисламизации страны, спрогнозировав превращение Турции в Иран²¹. Возможно, этот прогноз чересчур категоричен, но тренд он улавливает верно.

²⁰ Там же.

²¹ Weiss 2011.

В 2008 г. Ангел Рабаса и Стивен Ларраби выделили четыре возможных сценария развития политической ситуации в Турции:

- 1) ПСР продолжит проводить политику, ориентированную на членство в ЕС;
- 2) ПСР будет двигаться в направлении все большей исламизации;
- 3) ПСР будет ликвидирована судебным решением;
- 4) в Турции произойдет очередной военный переворот²².

²² Rabasa and Larrabee 2008.

На сегодняшний день первый, третий и четвертый сценарии маловероятны, так что de facto речь может идти только о втором, по сути означающем превращение исламского фактора из чисто социального феномена в определенную детерминанту не только внутренней, но и внешней политики Анкары. Однако на практике выбор остается, и это выбор между дальнейшей исламизацией и сохранением умеренности²³. В политике современной Турции присутствуют обе эти тенденции. Вместе с тем важно понимать, что в сложной геополитической ситуации в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, где Турция активно ищет свое место, выбор ее политического истеблишмента в пользу даже относительно умеренного исламизма способен вывести на новый уровень как степень одобрения насилия в политическом исламе, так и угрозу религиозного экстремизма в мире.

²³ Сергеев и Саруханян 2012: 149.

Модели политического ислама

Выделяя ключевые факторы, ставшие и способные стать катализаторами радикализации политического ислама, необходимо учитывать неоднородность последнего. Традиционно политический ислам принято подразделять на шиитский и суннитский, однако в связи с разнообразием исламистских течений в суннитском мире мне кажется целесообразным прибегнуть к более дробной классификации, отдельно рассмотрев три версии суннитского политического ислама — салафитско-джихадистскую, такфиристско-джихадистскую и умеренную.

Шиитский политический ислам. Шиитский политический ислам исходит из установки, что руководство мусульманской общиной должно принадлежать не выборным халифам, а имамам, избранным Аллахом. Созданная в Иране после победы революции 1979 г. система является попыткой воплотить эту установку в жизнь. По мнению лидера исламской революции и первого Высшего руководителя Ирана Хомейни, данная система есть прямое продолжение заложенной пророком Мухаммедом политической традиции. Предложенная Хомейни концепция «веляяте факих» представляет собой модифицированную традиционалистскую теорию теократического правления. В рамках этой концепции власть имама столь же неограниченна, что и власть Пророка. Как и Пророк, имамы имеют сакральную связь с Богом, хотя и не в виде откровения²⁴. Постулируется их непогрешимость и наличие у них «божественного света», на чем и строится легитимность их власти.

²⁴ Кулюшин 2007.

Выше уже говорилось, что революция в Иране стала важным фактором активизации исламистских движений, в том числе и в суннитских странах. Определенную привлекательность иранской модели придавало то обстоятельство, что лидеры ИРИ позиционировали себя в качестве защитников всех мусульман, ставящих своей целью их освобождение (что, помимо прочего, предполагало экспорт идеалов исламской революции). Тем не менее популярность шиитской модели построения власти в мусульманском мире не слишком велика, и шиитский исламизм остается преимущественно иранским социально-духовным и политическим феноменом. И дело тут, как полагают Станислав Сулимов и Динара Трегубова, «не в отсутствии экспансивного потенциала (им любой исламизм не обделен), а в специфике шиитского ислама: данное вероисповедание широко распространено лишь в Иране»²⁵.

²⁵ Сулимов и Трегубова 2019: 161.

Салафитско-джихадистский политический ислам. Как уже отмечалось, советская интервенция в Афганистане дала серьезный импульс к радикализации политического ислама. По итогам войны не только появились такие радикальные группировки, как Талибан* и Аль-Каида*, но и постепенно оформилась доктрина салафитско-джихадистского ислама. Опасность этой доктрины заключается в том, что салафизм, ревностно охраняющий идейное наследие раннеисламской эпохи, соединяется в ней с джихадизмом транснационального толка. Обе эти концепции существуют в исламе давно, но первая обычно связывалась с миссионерством (да'ва — «приглашение»), а вторая — с борьбой с собственными недостатками (джихад — «усилие»).

Стремясь к созданию идеального исламского государства и возвращению к «золотым временам» Пророка, салафитско-джихадистский политический ислам делает ставку в первую очередь на физическое насилие. Примечательно, что данное течение отвергает не только демократические институты и процедуры и, соответственно, западную модель политической власти; в равной мере неприемлем для него и шиитский политический ислам, а также многие сравнительно умеренные

суннитские его версии. Весьма показательна в этом плане взаимная неприязнь между салафитами-джихадистами и «Братьями-мусульманами»*. Успехи последних в Египте и Тунисе в начале «арабской весны» не обрадовали радикалов. Салафиты-джихадисты осуждают «Братьев-мусульман»* как коррупционеров, поставивших временное нахождение у власти и связанный с этим комфорт выше прославления Бога, а те в свою очередь называют их экстремистами-фанатиками²⁶. Подобное противостояние характерно как для крупных игроков на поле политического ислама, так и для мелких группировок, одобряющих насилие и террор как методы политической борьбы.

²⁶ Lynch 2012: 211.

Такфиристско-джихадистский политический ислам. Хотя идеологические предпосылки данного течения существуют давно, об окончательном его оформлении, как представляется, можно вести речь лишь с началом «арабской весны», особенно в контексте сирийского кризиса и появления ИГ* и подобных ему организаций. С точки зрения соотношения между идеологией и практикой эта модель политического ислама пока уступает по степени радикальности салафитско-джихадистской, однако по мере своего развития все больше сближается с ней.

Понятие «такфир» связано с определением круга врагов ислама. Современные исламисты относят к ним не только иноверцев и атеистов, но и мусульман, не разделяющих их интерпретацию коранических положений. При этом именно придерживающиеся иных, нежели исламисты, взглядов мусульмане и выступают главным объектом такфира²⁷. Учитывая тенденцию к переосмыслению джихада, который в противовес мусульманской ортодоксии теперь трактуется в основном как наступательная война против врагов ислама, с возникновением идеологического союза такфиристов и джихадистов, уже сегодня демонстрирующего высокий уровень сетевой организации, насилие и терроризм в политическом исламе обретают новое дыхание.

²⁷ Добаев 2019.

Умеренный политический ислам. Умеренность как атрибут политического ислама сложно определить как теоретически, так и практически. Более того, в контексте сирийского конфликта термин «умеренный» превратился в крайне политизированный и тенденциозный. В этих условиях, говоря об умеренности в политическом исламе, целесообразно обратиться к модели, представленной в Турции и опирающейся на идею нового социального контракта. Хотя идеология турецких исламистов базируется, естественно, на исламских постулатах, в целом она не находится по разные стороны баррикад с политической системой страны, строящейся на светских принципах. Путем совмещения либерально-демократических установок с исламским консерватизмом политический ислам в Турции пытается заручиться поддержкой широких слоев населения из самых разных социальных страт.

Турция представляет свою модель как идеальный на сегодняшний день тип организации политической системы для исламского мира, как

²⁸ *Сергеев
и Саруханян 2012:
148—149.*

доказательство сочетаемости ислама и демократии, когда в светском государстве у власти могут находиться партии исламистского толка. Однако динамика политических процессов в Турции противоречива, а сам политический ислам во многом персонифицирован и связан с социальным бэкграундом и амбициями нынешнего лидера страны Эрдогана. Поэтому говорить о существовании устоявшейся турецкой модели политического ислама, тем более пригодной для «экспорта», преждевременно²⁸. Вместе с тем следует отметить, что предпосылки сохранения в Турции умеренного политического ислама действительно значительны. Во-первых, ислам остается важной частью жизни турецких граждан, но прежде всего в социальном, а не политическом измерении. Во-вторых, идея доминирования ислама во всех сферах общественного бытия не пользуется популярностью в турецких мегаполисах и крупных экономических центрах. В-третьих, несмотря на формальный разгром движения «Хизмет» Фетхуллага Гюлена, его идеи об окончании «джихада меча» и наступлении эры «джихада слова», о совмещении науки и рационализма с обучением исламу, о гармонии между религиями по-прежнему имеют в Турции немало сторонников. Все это свидетельствует о наличии серьезных объективных и субъективных факторов, сдерживающих радикализацию политического ислама в стране.

**Насилие
в разных моделях
политического
ислама**

²⁹ *См. Кенель 2004;
Рух 2018.*

В публичном пространстве терроризм сегодня прочно ассоциируется с исламом. Соответствующий нарратив возник после событий 11 сентября 2001 г., и деятельность ИГ* и иных террористических исламских организаций лишь усилила его. Авторитетные западные ученые спорят о сути происходящих процессов: одни из них ведут речь об исламизации радикализма, другие — о радикализации ислама. И если первые напрямую не связывают радикализацию с исламом, то вторые убеждены, что борьба с терроризмом в современном мире во многом тождественна борьбе с радикальным исламом²⁹. Логика последних на практике приводит к делению мусульман на «хороших», то есть умеренных, и «плохих» — радикальных. Это касается и различных моделей политического ислама. В данном контексте особую актуальность обретает четкое понимание того, как та или иная из этих моделей относится к насилию.

Выше уже говорилось, что одним из важных моментов в эволюции политического ислама явилась исламская революция в Иране. Это событие, конечно, повлияло и на степень радикализации ислама как политического феномена. Некоторые страны до сих пор возлагают на Тегеран едва ли не весь груз ответственности за террористическую активность на всем Ближнем Востоке. И хотя такие обвинения зачастую безосновательны, следует признать, что Тегеран открыто поддерживает различные военные формирования в регионе, считающиеся на Западе террористическими (например, ливанскую Хезболлу и палестинский ХАМАС), называя их народно-освободительными движениями. Вместе с тем не стоит забывать, что в большинстве случаев амбиции Ирана встречают сопротивление со

стороны как светских/умеренных акторов, так и консервативно-фундаменталистских режимов на всем Большом Ближнем Востоке.

Другими словами, несмотря на определенный потенциал насильственного распространения политического ислама шиитского толка, заложенный революцией 1979 г., на практике возможности Ирана довольно ограничены, а сам он находится в позиции обороняющегося в региональном суннитском окружении. От идеи продвижения своей модели политического ислама в Тегеране не отказались, но инструментом такого продвижения полагаются слова (пропаганда), а не меч³⁰. Нужно отметить, что в концепции шиитского политического ислама центральное место занимает противопоставление «обездоленные — высокомерные», апеллирующее к внерелигиозной категории справедливости³¹. В противовес салафитско-ваххабитской антитезе «дар аль-ислам (территория ислама) — дар аль-харб (территория войны)», которая часто выступает идеологическим обоснованием терроризма, это противопоставление носит универсалистский общегуманный характер, что делает шиитский политический ислам менее склонным к использованию насилия. На снижение насильственной составляющей шиитского политического ислама работает и его идеологическая гомогенность, сужающая возможности для формирования альтернативных нарративов.

В салафитско-джихадистском и тафристско-джихадистском политическом исламе стремление к «чистоте» веры и созданию исламского государства на основе шариата играет центральную роль. Идеологи этих течений делают акцент именно на насильственных методах воплощения установленных Аллахом и переданных Пророком заповедей. По их мнению, истинный правоверный должен не только строго придерживаться пяти ключевых предписаний шариата (шахада, намаз, ураза, зякат и хадж), но также вести священную войну (джихад), трактуемую в качестве «шестого столпа веры»³². Порог терпимости к другим религиям в этих течениях очень низок, что на практике приводит к массовой тафризации даже мусульман и широкого применения террора против всех «других».

В контексте глобализирующегося мира синтез джихадизма и тафризма тем более опасен, что оба этих феномена — «продукт неотрадиционалистской идентичности, в которой религиозность соединена с непримиримым протестом против современности и глобализации или против отдельных их проявлений. Священные символы и мифологические конструкции могут восприниматься носителями такой идентичности буквально и трансформироваться в общественно-политические проекты»³³, как это было, в частности, в случае с ИГ*. Беспрецедентные насилие и террор, сопровождавшие возникновение и развитие этой организации, наглядно отражают те методы, на которые делают ставку данные течения политического ислама.

Если рассмотренные выше модели политического ислама предполагают или по меньшей мере допускают применение насилия как идеологически, так и в прикладном аспекте, то умеренный политический

³⁰ Джаббари Насир и Бахриев 2018: 829.

³¹ Чикризова 2017: 283.

³² Резник 2018: 119.

³³ Кудряшова 2018: 61–62.

ислам подчеркнуто дистанцируется от него. По мнению ряда исследователей, истоки подобного подхода кроются в отношении умеренных исламистов к существующему политическому порядку. В отличие от исламистов экстремистского толка, готовых для достижения своих целей на все, движения этого типа предпочитают добиваться перемен постепенно и мирными средствами³⁴.

³⁴ Ghabbian 2000.

Особенно показателен в этом плане опыт Турции, где правящая происламская партия пришла к власти благодаря мирному привлечению на свою сторону населения. Турецкие исламисты, во всяком случае на сегодняшний день, действуют конституционными методами, принимают концепцию национального государства и не стремятся к созданию исламского государства на основе законов шариата. Их деятельность носит преимущественно социальный характер, и они в большей степени опираются на Конституцию страны, нежели ссылаются на Коран.

В обобщенном виде отношение к насилию в рамках различных моделей политического ислама отражено в *табл. 1*.

Таблица 1 Отношение к насилию в различных моделях политического ислама

	<i>Модель</i>	<i>Формы признания допустимости/желательности насилия</i>	<i>Степень одобрения насилия</i>
1.	Шиитская модель (Иран)	1. Признание допустимости насилия в оборонительных целях 2. Поддержка движений, борющихся за независимость 3. Создание военных структур «для защиты мусульман» и «принципов исламской революции»	Умеренно низкая
2.	Салафитская эмиратская модель (Афганистан под властью талибов)	1. Концепция антагонистического противостояния по линии «правовверные — кафиры» 2. Представление борьбы с внешними силами как «священной войны»	Высокая
3.	Глобальный салафитский халифат	1. Крайняя форма маркировки «чужих», в том числе не разделяющих радикально исламистские установки мусульман, как врагов 2. Джихад как «шестой столп веры», ставка на насильственные формы борьбы с иноверцами	Очень высокая
4.	Демократическая республика с происламской правящей партией (Турция)	Не обнаружены	Отсутствует

Заключение

Проведенный анализ эволюции политического ислама и факторов его «ужесточения» позволяет сделать следующие выводы.

1. Исламский мир остается крайне неоднородным. Общий тренд политизации ислама под влиянием выделенных выше мегасобытий затронул разные части мусульманского ареала по-разному. В одних его сегментах появились крайне консервативные идеологии и движения, в других — сторонники адаптации ислама к новым реалиям мировой политики. Комбинация социально-экономических, культурных и (гео)политических факторов в обширном регионе Ближнего Востока и Северной Африки способствовала повышению там популярности экстремистских религиозных нарративов, обещающих переустройство мира на справедливых началах и возвращение «золотого периода» исламской истории. В этом контексте союз религии и политики не всегда благоприятствует мирному разрешению конфликтов.

2. Социально-политические потрясения на Ближнем Востоке и в географически близких к нему регионах привели к тому, что выработанная местными мыслителями идеология религиозного фундаментализма превратилась в руководство к действию для широкого спектра радикальных сил. В условиях, когда многие государства исламского мира строились на светских принципах, причем в некоторых из них политическая система опиралась на тонкий этноконфессиональный баланс, появление салафитских и такфиристских группировок с их идеологией вражды и непримиримых противоречий неизбежно повысило риски насилия.

3. С точки зрения отношения к насилию как политическому инструменту течения современного политического ислама распадаются на три группы: в умеренном политическом исламе (турецкая модель) насилие полностью отвергается; в шиитском (иранская модель) оно допускается при решении оборонительных задач; наконец, салафитско-джихадистские и такфиристские группировки фактически видят в нем ключевой инструмент достижения своей амбициозной цели — создания исламского государства. В этой ситуации практика маркировки ближневосточных экстремистских группировок как «умеренных», «относительно умеренных» и «радикальных», получившая распространение в ряде стран за пределами региона, представляется чрезвычайно опасной.

4. Современный политический ислам крайне многогранен, и было бы неверно считать насилие его атрибутивным элементом. В исламском мире доминируют не экстремистские, а умеренные течения, видящие в религии прежде всего одну из форм упорядочения социальной жизни. Однако их голос не очень слышен, поскольку от имени ислама регулярно «говорят» своими актами насилия и террора радикальные движения, деятельность которых благодаря умелому использованию информационно-коммуникационных технологий создает опасный миф об исламе и его последователях.

Библиография

Ас-Сейид Р. (2007) *Современный политический ислам и конкурирующие идентичности*. Тегеран: Изд-во «Баз». (На перс.)

Голунов С.В. (2020) «Террористический „халифат“ как квазигосударство: проблема концептуализации» // *Полития*, № 2 (97): 87–103. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2\(97\)-87-103.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2(97)-87-103.pdf) (проверено 18.02.2021).

Джаббари Насир Х. (2017) «Политический ислам, терроризм и безопасность на Ближнем Востоке» // *Вестник МГИМО-Университета*, № 5 (56): 183–198. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/678/666> (проверено 18.02.2021).

Джаббари Насир Х. и Б.Х.Бахриев. (2018) «Антитеррористический подход Ирана на современном этапе: „жесткие“ и „мягкие“ элементы» // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, т. 18, № 4: 823–836. URL: https://www.researchgate.net/publication/330550681_Iran%27s_Contemporary_Anti-Terrorism_Approach_Hard_and_Soft_Elements (проверено 18.02.2021).

Добаев И. (2016) «Причины, факторы и формы политизации и радикализации ислама, становления современного терроризма в мире и в России» // *Россия и мусульманский мир*, № 9 (291):16–38.

Добаев И.П. (2019) «Исламистский „такфир“: определение „врагов ислама“» // *Россия и мусульманский мир*, № 1 (311): 83–102.

Кепель Ж. (2004) *Джихад: Экспансия и закат исламизма*. М.: Ладомир.

Кудряшова И.В. (2018) «Религиозный терроризм: концептуальные проблемы политического анализа» // *Политическая наука*, № 4: 54–68.

Кулюшин Н.Д. (2007) «Шиитская модель теократии: от имамата к вelayat-e факих» // *Полития*, № 4 (47): 90–103. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Kulushin-2007-4.pdf (проверено 18.02.2021).

Ланда Р.Г. (2005) *Политический ислам: предварительные итоги*. М.: Институт Ближнего Востока.

Лебедева М.М. (2016) «Система политической организации мира: „идеальный шторм“» // *Вестник МГИМО-Университета*, № 2 (47): 125–133. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/518/518> (проверено 18.02.2021).

Резник С.В. (2018) «Дихотомия „насилие-ненасилие“ в дискурсе ислама» // *Дискурс-Пи*, № 3–4 (32–33): 116–123.

Руа О. (2018) *Глобализированный ислам: в поисках новой уммы*. М.: Фонд Марджани.

Сергеев В.М. и С.Н.Саруханян. (2012) «Модернизация и политический ислам в Турции» // *Полития*, № 4 (67): 134–151. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Sergeev_Sarukhanyan-2012-4.pdf (проверено 18.02.2021).

Сулимов С.И. и Д.Д.Трегубова. (2019) «Шиитский исламизм как политический фактор» // *Манускрипт*, т. 12, № 6: 158–161. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_2618-9690_2019_6_32.pdf (проверено 8.04.2021).

Таваколи С. (2010) «Вербовка террористов с упором на Аль-Каиду» // *Афаге-амният*, № 6: 51—74. (На перс.)

Чикризова О.С. (2017) «Дихотомия „обездоленные — высокомерные“ в шиитском восприятии международных отношений» // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, т. 17, № 2: 279—289. URL: https://www.researchgate.net/publication/316949249_Oppressed_-_oppressors_dichotomy_in_shiite_perception_of_international_relations (проверено 18.02.2021).

Эмануилов Р. Я. и А.Э.Яшлавский. (2011) *Террор во имя веры: Религия и политическое насилие*. М.: Мосты культуры. URL: <http://cif-russia.ru/docs/tvv.pdf> (проверено 18.02.2021).

Bonino S. (2016) «Violent and Non-Violent Political Islam in a Global Context» // *Political Studies Review*, vol. 16, no. 1: 46—59.

Cornell S.E. and M.K.Kaya. (2020) «How the Iranian Revolution Inspired Turkish Islamism» // *Hudson Institute*, 14.07. URL: <https://www.hudson.org/research/16208-how-the-iranian-revolution-inspired-turkish-islamism> (accessed on 18.02.2021).

Ghadbian N. (2000) «Political Islam and Violence» // *New Political Science*, vol. 22, no. 1: 77—88.

Lynch M. (2012) *The Arab Uprisings: The Unfinished Revolutions of the New Middle East*. New York: Public Affairs.

Milton-Edwards B. (2006) «Political Islam and the Palestinian-Israeli Conflict» // *Israel Affairs*, vol. 12, no. 1: 65—85.

Osman T. (2017) *Islamism: A History of Political Islam from the Fall of the Ottoman Empire to the Rise of ISIS*. New Haven: Yale University Press.

Rabasa A. and F.S.Larrabee. (2008) *The Rise of Political Islam in Turkey*. Santa Monica: RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2008/RAND_MG726.pdf (accessed on 5.12.2020).

Sanjeev K. (2018) «ISIS and the Sectarian Political Ontology: Radical Islam, Violent Jihadism and the Claims for Revival of the Caliphate» // *India Quarterly*, vol. 74, no. 2: 119—137.

Sayyid S. (2017) «Political Islam in the Aftermath of „Islamic State“» // *ReOrient*, vol. 3, no. 1: 65—82.

Tibi B. (2002) *The Challenge of Fundamentalism: Political Islam and the New World Disorder*. Berkeley: University of California Press.

Weiss B. (2011) «The Tyrannies Are Doomed: The Weekend Interview with Bernard Lewis» // *The Wall Street Journal*, 2.04. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703712504576234601480205330> (accessed on 17.12.2020).

Wendt A. (1999) *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Zubaida S. (2000) «Trajectories of Political Islam: Egypt, Iran and Turkey» // *The Political Quarterly*, vol. 71, no. 1: 60—78.

* Организация включена в число террористических и ее деятельность на территории РФ запрещена.

H.R.Jabbarinasir
**FACTORS OF TRANSFORMATION
 OF POLITICAL ISLAM
 IN WORLD POLITICS:
 ORIGINS OF VIOLENCE
 AND TERRORISM**

Hasan R. Jabbarinasir — Ph.D. in Political Science; Senior Lecturer at the Department of Indo-Iranian and African Languages, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; Researcher at the Institute for Social and Cultural Research of the Islamic Republic of Iran (Tehran). Email: hjabbarinasir@gmail.com.

Abstract. The article studies factors of transformation of political Islam and reasons for its “tightening” in the modern context. On the basis of the ideas of social constructivism, the author traces the main milestones in the evolution of political Islam and the formation of its radical branches that orient towards violence and terrorism. The article examines nine mega-events that ultimately determined the specifics of the modern union of Islam and politics — the collapse of the Ottoman Empire, the Palestinian-Israeli conflict, the Islamic revolution in Iran, the Soviet intervention in Afghanistan, the collapse of the Soviet Union, the September 11 attacks (2001), the overthrow of Saddam Hussein’s regime, the “Arab Spring”, and the establishment of political Islam with a “Turkish face”. The author demonstrates that after the collapse of the Ottoman Empire, Islam began to gradually transform from the social phenomenon into the world-political factor. Initially, this tendency was observed in the intellectual and ideological spheres, but then penetrated practical politics.

The article identifies four models of modern political Islam — Shiite, Salafi-jihadist, Takfirist-jihadist and moderate political Islam. According to the author’s conclusion, the attitude towards violence within these models is largely determined by the peculiarities of the formation, geographic ambitions and goals of the respective branches. The Shiite branch of political Islam that has established in Iran justifies violence for solving defensive tasks and appeals mainly to the categories of justice and protection of the oppressed. Salafi-jihadist and Takfirist groups, in essence, see violence as a key instrument for implementing the commandments of Allah and rebuilding the world on the principles of Sharia. The moderate political Islam (as shown by analyzing the case of Turkey) completely rejects violence, and religion remains largely a social phenomenon, although it is used for political purposes, in particular,

to attract the electorate. On the basis of his analysis, the author comes to the conclusion that the idea of violence as an inherent element of political Islam is erroneous, but at the same time he points out risks of the increasing significance of this factor.

Keywords: political Islam, extremism, terrorism, violence, world politics

References

- As-Seiid R. (2007) *Modern Political Islam and Competing Identities*. Tehran: Publish House “Baz”. (In Pers.)
- Bonino S. (2016) “Violent and Non-Violent Political Islam in a Global Context” // *Political Studies Review*, vol. 16, no. 1: 46–59.
- Chikrizova O.S. (2017) “Dikhotomija „obezdolennye — vysokomernye“ v shiitskom vosprijatii mezhdunarodnykh otnoshenij” [“Oppressed — Oppressors” Dichotomy in Shiite Perception of International Relations] // *Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija* [Vestnik RUDN. International Relations], vol. 17, no. 2: 279–289. URL: https://www.researchgate.net/publication/316949249_Oppressed_-_oppressors_dichotomy_in_shiite_perception_of_international_relations (accessed on 18.02.2021). (In Russ.)
- Cornell S.E. and M.K.Kaya. (2020) “How the Iranian Revolution Inspired Turkish Islamism” // *Hudson Institute*, 14.07. URL: <https://www.hudson.org/research/16208-how-the-iranian-revolution-inspired-turkish-islamism> (accessed on 18.02.2021).
- Dobaev I. (2016) “Prichiny, faktory i formy politizatsii i radikalizatsii islama, stanovlenija sovremennogo terrorizma v mire i v Rossii” [Reasons, Factors, and Forms of Politicization and Radicalization of Islam, Formation of Modern-Day Terrorism in the World and in Russia] // *Rossija i musul'manskij mir* [Russia and the Muslim World], no. 9 (291): 16–38. (In Russ.)
- Dobaev I.P. (2019) “Islamistskij „takfir“: opredelenie „vragov islama“” [Islamist “Takfir”: Definition of “Enemies of Islam”] // *Rossija i musul'manskij mir* [Russia and the Muslim World], no. 1 (311): 83–102. (In Russ.)
- Emanuilov R.Ya. and A.E.Yashlavsky. (2011) *Terror vo imja very: Religija i politicheskoe nasilie* [Terror in the Name of Faith: Religion and Political Violence]. Moscow: Mosty kul'tury. URL: <http://cif-russia.ru/docs/tvv.pdf> (accessed on 18.02.2021). (In Russ.)
- Ghadbian N. (2000) “Political Islam and Violence” // *New Political Science*, vol. 22, no. 1: 77–88.
- Golunov S.V. (2020) “Terroristicheskij „khalifat“ kak kvazigosudarstvo: problema kontseptualizatsii” [Terrorist “Caliphate” as Quasi-State: Problem of Conceptualization] // *Politeia*, no. 2 (97): 87–103. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2\(97\)-87-103.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2(97)-87-103.pdf) (accessed on 18.02.2021). (In Russ.)
- Jabbari Nasir H. (2017) “Politicheskij islam, terrorizm i bezopasnost' na Blizhnem Vostoke” [Political Islam, Terrorism and Security in the Middle East] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], no. 5 (56): 183–198. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/678/666> (accessed on 18.02.2021). (In Russ.)

- Jabbari Nasir H. and B.Bahriev. (2018) “Antiterroristicheskij podkhod Irana na sovremennom etape: „zhestkie“ i „mjagkie“ elementy” [Iran’s Contemporary Anti-Terrorism Approach: “Hard” and “Soft” Elements] // *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnoshenija* [Vestnik RUDN. International Relations], vol. 18, no. 4: 823–836. URL: https://www.researchgate.net/publication/330550681_Iran%27s_Contemporary_Anti-Terrorism_Approach_Hard_and_Soft_Elements (accessed on 18.02.2021). (In Russ.)
- Kepel G. (2004) *Dzhikhad: Ekspansija i zakat islamizma* [Jihad]. Moscow: Ladomir. (In Russ.)
- Kudryashova I.V. (2018) “Religioznyj terrorizm: kontseptual’nye problemy politicheskogo analiza” [Religious Terrorism: Conceptual Problems of Political Analysis] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 4: 54–68. (In Russ.)
- Kulyushin N.D. (2007) “Shiitskaja model’ teokratii: ot imamata k velajat-e fakikh” [The Shiite Model of Theocracy: From Imamata to Velayat-e Fakikh] // *Politeia*, no. 4 (47): 90–103. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Kulushin-2007-4.pdf (accessed on 18.02.2021). (In Russ.)
- Landa R.G. (2005) *Politicheskij islam: predvaritel’nye itogi* [Political Islam: Preliminary Results]. Moscow: Institut Blizhnego Vostoka. (In Russ.)
- Lebedeva M.M. (2016) “Sistema politicheskoy organizatsii mira: „ideal’nyj shtorm“” [System of Political Organization of the World: “Perfect Storm”] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], no. 2 (47): 125–133. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/518/518> (accessed on 18.02.2021). (In Russ.)
- Lynch M. (2012) *The Arab Uprisings: The Unfinished Revolutions of the New Middle East*. New York: Public Affairs.
- Milton-Edwards B. (2006) “Political Islam and the Palestinian-Israeli Conflict” // *Israel Affairs*, vol. 12, no. 1: 65–85.
- Osman T. (2017) *Islamism: A History of Political Islam from the Fall of the Ottoman Empire to the Rise of ISIS*. New Haven: Yale University Press.
- Rabasa A. and F.S.Larrabee. (2008) *The Rise of Political Islam in Turkey*. Santa Monica: RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2008/RAND_MG726.pdf (accessed on 5.12.2020).
- Reznik S.V. (2018) “Dikhotomija „nasilie-nenasilie“ v diskurse islama” [The Dichotomy of “Violence-Nonviolence” in the Discourse of Islam] // *Diskurs-Pi* [Discourse-P], no. 3–4 (32–33): 116–123. (In Russ.)
- Roy O. (2018) *Globalizirovannyj islam: v poiskakh novoj ummy* [L’Islam mondialisé: à la recherche d’une nouvelle Oumma]. Moscow: Fond Mardzhani. (In Russ.)
- Sanjeev K. (2018) “ISIS and the Sectarian Political Ontology: Radical Islam, Violent Jihadism and the Claims for Revival of the Caliphate” // *India Quarterly*, vol. 74, no. 2: 119–137.
- Sayyid S. (2017) “Political Islam in the Aftermath of „Islamic State“” // *ReOrient*, vol. 3, no. 1: 65–82.
- Sergeev V.M. and S.N.Sarukhanyan. (2012) “Modernizatsija i politicheskij islam v Turtsii” [Modernization and Political Islam in Turkey] //

- Politeia*, no. 4 (67): 134—151. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Sergeev_Sarukhanyan-2012-4.pdf (accessed on 18.02.2021). (In Russ.)
- Sulimov S.I. and D.D.Tregubova. (2019) “Shiitskij islamizm kak politicheskij faktor” [Shiite Islamism as a Political Factor] // *Manuskript* [Manuskript], vol. 12, no. 6: 158—161. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_2618-9690_2019_6_32.pdf (accessed on 8.04.2021). (In Russ.)
- Tavakoli S. (2010) “Terrorist Recruitment with Focus on Al-Qaeda” // *Horizons of Security*, no. 6: 51—74. (In Pers.)
- Tibi B. (2002) *The Challenge of Fundamentalism: Political Islam and the New World Disorder*. Berkeley: University of California Press.
- Weiss B. (2011) “The Tyrannies Are Doomed: The Weekend Interview with Bernard Lewis” // *The Wall Street Journal*, 2.04. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703712504576234601480205330> (accessed on 17.12.2020).
- Wendt A. (1999) *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Zubaida S. (2000) “Trajectories of Political Islam: Egypt, Iran and Turkey” // *The Political Quarterly*, vol. 71, no. 1: 60—78.